

ЛитРес:

Мы столкнулись
на ночной дороге.
Теперь я должна
ему кучу денег,
а он... кажется,
он меня
похитил!

АЛЕКСАНДРА
САЛИЕВА

Столкновение

ОТКРОВЕННЫЕ СЕРИИ
18+

Александра Салиева

Столкновение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42779426

Столкновение/ Александра Салиева : SelfPub; Москва; 2022

ISBN 978-5-535-00012-1, 978-5-00155-391-5

Аннотация

—°Будешь послушной девочкой, обижать не стану,°—
вкрадчиво проговаривает мужчина, показательно уставившись на
свою руку.

Жест приходится принять.

—°Они будут искать меня,°— произношу тихо.

И практически молюсь, чтобы мой голос звучал без
откровенной жалости к самой себе. Тем более, что...

—°Я знаю,°— безразлично кидает Тимур, утягивая меня за
собой к дому.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	60
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александра Салиева

Столкновение

В моей голове звери. Они бы тебя съели.

Если бы я разрешил...

Gio Rosso

Глава 1

Свет фар на встречной бьет, подобно пощечине наотмашь. Зажмуриваюсь. Всего лишь за секунду до того, как меня прикладывает лицом о сработавшую подушку безопасности.

Тупая боль, грохот железа, звон стекла – все перемешивается в сознании, пока ремень безопасности впечатывает меня обратно в сиденье. Шум в ушах кажется нестерпимым. Но проходит секунда, другая, и жгучая агония в моей голове постепенно стихает, превращаясь в едва различимый монотонный гул, смешивающийся со стуком ливня снаружи. Еще немного, и я различаю удары собственного сердца. Руки, ноги – тоже целы, так что первым делом дергаю дверную ручку, после чего вываливаюсь прямым в лужу.

Разум постепенно заполняет туман...

По-хорошему, стоило бы добраться до другой машины – той, в которую врезалась. Но сил хватает лишь на то, чтобы опереться спиной о кусок раскуроченного железа и прикрыть глаза, пытаюсь вспомнить, где мой мобильник.

– Надеюсь, ты там живой, – шепчу едва ли разборчиво. Обращаюсь скорее в никуда. Тем удивительнее:

– Я бы на твоём месте надеялся как раз на обратное, – вынуждает вздрогнуть мужской голос с оттенком стали.

Успеваю заметить высокие кожаные берцы да темные

брюки из плотной материи, прикрытые кашемировым пальто, прежде чем незнакомец бесцеремонно хватает меня за плечи, довольно жестко встряхивает и ставит на ноги. Дальше он деликатностью тоже не отличается. Обхватывает пальцами подбородок, запрокидывая мою голову, придиричиво разглядывая.

– Жить надоело? – практически рычит, заново встряхивая.

С учетом, что это я выехала на встречную полосу, врезавшись в его автомобиль, вопрос вполне актуальный. И, наверное, стоило бы на него ответить, но вместо этого слишком уж любопытно становится...

– А вам?

В глазах цвета хвои поселяется замешательство. Всего на мгновение. А уже в следующее – мужчина гневно прищуривается, усиливая хватку на моем лице. И злится еще больше прежнего, когда...

– Это же не я, а вы совсем недавно пожелали самому себе смерти вместо спасения, – замечаю справедливо.

Ответом мне становится хруст чужих суставов сжимающейся в кулак руки. Спасибо, не той, которая до сих пор касается моего лица. Довольно симпатичные, хоть и хмурые, черты лица брюнета искажает очередная гримаса злости, и я начинаю закономерно беспокоиться о собственной безопасности, однако...

– У тебя сотрясение, – выдает негромко и неожиданно

спокойно он.

Не спорю. И вполне допускаю подобную возможность. Неспроста ж я тут стою и полнейший бред несу? Впрочем, скорее всего, дело в тумане в моей голове. И двух выпитых бутылках вермута...

Не спорю с ним и тогда, когда незнакомец перехватывает меня под руку и вместе со мной направляется вдоль обочины. Как выясняется позже – к своей машине.

Серебристый Aston Martin поврежден куда меньше, нежели здоровенный пикап, за рулем которого я находилась. Задумавшись над этой странностью, пропускаю момент, когда мужчина открывает дверцу с пассажирской стороны. И после того как он начинает запихивать меня в салон транспортного средства, запоздало протестую на такое самоуправство. Вот только куда мне против того, кто на две головы выше и в разы сильнее? Окончательно охамевший грубиян не только внутрь автомобиля меня заталкивает, дверь тоже без особых усилий закрывает. А вот открыть ее самой у меня уже не получается. Несколько моих тщетных попыток подтверждают это как нельзя красноречивее.

– Отвезете в больницу? – настороженно интересуюсь по итогу, как только водитель, немного погодя, оказывается за рулем.

Иначе зачем ему меня вообще с собой брать куда-то?

Прикопать меня за порчу своего имущества он и тут мог бы. Так даже менее хлопотно. На загородной трассе все рав-

но ни души, кроме нас самих – никаких свидетелей.

– Нет. К себе отвезу.

По позвоночнику пробегает липкий холодок.

– З-зачем?

Отодвигаюсь от него как можно дальше, насколько это возможно в силу окружающего пространства.

– Ты мне тачку испортила. Пока не расплатишься, не отпущу.

Вот теперь мне действительно становится дурно...

– А если не расплачусь? Если мне нечем с вами расплачиваться?

На губах незнакомца расцветает подозрительно ласковая улыбка.

– Уверен, это не такая уж и проблема.

На этот раз я молчу. Разглядываю его профиль, пытаюсь прикинуть, сколько же ему лет, чем он может заниматься, кто такой вообще по жизни, и совершенно не думаю о том, что именно кроется за сказанным им.

Я спятила? Меня действительно приложило головой настолько хорошо, что мозги набекрень сдвинулись? Вряд ли. Просто не вижу никакого смысла впадать в истерику, поддавшись панике. Пусть она душит так, что впору хвататься за горло. Чем мне это поможет? А вот разузнать, с кем имею дело, – уже хоть что-то.

С виду ему не больше тридцати пяти. Темные волосы коротко острижены. Суровые черты лица пронизывает мрач-

ность. Он изредка едва уловимо ухмыляется каким-то своим мыслям, глядя исключительно на освещенную фарами трассу. На меня совсем не смотрит. Но даже при всем при этом меня никак не покидает стойкое ощущение того, что, если даже слегка пошевелюсь, все равно заметит. Есть в нем нечто такое... Будто вся власть мира сосредоточена в его волевых руках. И дело даже не в том, что он меня похитил и удерживает около себя против воли. Слишком много проницательности и непоколебимой решимости различаю в темно-зеленых глазах. Осанка так и вовсе нереально прямая. Широкие плечи со стороны кажутся стальными. Как и его хватка. Последнее я помню весьма отчетливо. Отпечаток его силы остается не только в моей памяти. Не удивлюсь, если синяки тоже останутся. До сих пор чувствую, где именно прикасался. Такой мужчина знает, чего хочет от жизни. И, как правило, всегда получает это.

– Как ваше имя? – срывается с моих уст тихое.

На секунду думается, что не ответит, ведь едва уловимая ухмылка на его губах преображается в очень даже отчетливую. Но нет. Я ошибаюсь.

– Тимур, – произносит брюнет. – Смоленский, – добавляет через небольшую паузу в полнейшем снисхождении.

Ни его имя, ни его фамилия мне ни о чем не говорят. Но воодушевляет то, что мужчина идет на контакт, а не выплевывает что-нибудь типа: «Закрой рот и сиди молча, тупая шлюха, пока я тебя не прикончил!» – как в каком-нибудь

триллере с похищением.

– А я... – договорить не успеваю.

– Зотова Анастасия Станиславовна, – перебивает Тимур. – Тебе девятнадцать, ты учишься на экономическом, живешь с отчимом и двумя младшими братьями, в Черниговке, – припоминает название территории, где располагается наше семейное гнездо.

Что я там говорила по поводу впадения в истерику?

Самое время начинать!

Красноречие вмиг испаряется. Я открываю рот, но ни звука не могу выдавить. Паника захлестывает, подобно штормовой волне. А сознание само собой рисует варианты, один другого хуже.

Он знает, кто я!

Откуда?

Разве мы знакомы?!

Такой экземпляр мужской разновидности я бы совершенно точно запомнила. А значит, если и знакомы, то определенно в одностороннем порядке. Это пугает только сильнее.

Как какой-нибудь сталкер, ей-богу!

Маньяк.

Или же...

– Я подобрал твой кошелек, – после небольшой паузы любезно поясняет брюнет, вытаскивая из кармана своего пальто упомянутое.

Вещицу он кидает мне в руки.

Едва ловлю!

Пусть сигнализация о надвигающейся опасности в моей голове вопит на порядок тише, но дрожь в пальцах никуда не девается.

Звон выпавших монет не имеет значения.

Замок открыт, внутренности мини-клатча расположены совсем не так, как должно и привычно моему восприятию. А значит, Тимур успел все пересмотреть. Очевидно, после того, как запер меня в салоне своей машины, и до того, как сам уселся за руль.

Водительское удостоверение, паспорт, студенческий, банковские карты, остальные документы и дорогие сердцу безделушки... все вернул. Это же объясняет, откуда мужчина знает мое имя, возраст, адрес проживания, место учебы, наличие двух братьев. Но не объясняет остальное.

– Как понял, что живу с отчимом? – прищуриваюсь подозрительно, разворачиваясь к водителю всем корпусом.

– Фотографии, – безразлично пожимает плечами Смоленский.

Он продолжает уделять внимание тому, что находится за ветровым стеклом, в то время как скорость движения постепенно увеличивается.

– Они не подписаны, – парирую в ответ.

– Но не близки.

Тянусь к предмету обсуждения. Я и так помню каждый образ, запечатленный на них. Но все равно упрямо рассмат-

риваю заново, будто впервые вижу.

– На той, что сделана раньше всех, тебе около девяти, и ты очень похожа и на женщину, и на мужчину, которые рядом с тобой, – заговаривает снова Тимур. – На другой фотографии другой мужчина. И близнецы, – упоминает моих братьев. – Так полагаю, второй брак и разные отцы, – «угадывает» и это.

Мне было десять, когда папы не стало. Спустя два года мама снова вышла замуж. За полнейшего мудака, из-за которого я сегодня оказалась на ночной трассе, в далеком от вменяемости состоянии. Давно бы избавилась от него, если честно. Например, свалила бы куда подальше без всяческого прощания, как сделала год назад та, кто меня родила. Но в глазах младших братьев этот мудака – лучший отец в мире. С учетом того, что другого родителя у них теперь нет, я ни за что на свете не могу лишиться их этого.

При мысли о последнем настроении окончательно катится к уровню преисподней. Ничего не говорю больше. Отворачиваюсь от мужчины, уставившись в боковое окно. Он тоже не спешит продолжать болтовню. Вплоть до самого окончания нашего пути.

Сама дорога занимает примерно час. Почти рассвело, а признаков цивилизации совсем не наблюдается. Я считаю каждый поворот, каждый изгиб дороги, стараюсь запомнить каждый дорожный знак. Эти мелочи мне обязательно пригодятся, когда я сбегу. А я обязательно сбегу. В этом я прак-

тически профессионал. Даже если мне придется выбирать-ся из самой задницы мира, а судя по тому, что я наблюдаю, примерно там мы и находимся, ведь все, что я вижу, — густые кроны сосен по обеим сторонам узкой извилистой дороги.

В конечном счете асфальтовое покрытие переходит в грунтовое, постепенно сужающееся, а один вид хвойных сменяется другим.

Дом в конце подъездной аллеи, окруженный елями, выглядит так, словно построен еще до войны. Возможно, когда-то, в далеком прошлом, он выглядел шикарно, но в данный момент при взгляде на строение хочется его спалить. Чисто из жалости. Деревянная трехэтажная конструкция непонятной расцветки едва ли не колышется от порывов ветра. По крайней мере, складывается такое впечатление: будто вот-вот рухнет, подобно карточному домику. А вот сама территория оказывается вполне ухоженной. Кроме елей, правда, не растет ничего. Зато никакого мусора. Однако искусственное освещение отсутствует.

Aston Martin останавливается прямоком у обветшало-го крыльца. Я невольно вжимаюсь в спинку сиденья, шумно сглатывая. Да, снова поддаюсь приступу паники. Хотя и понимаю, что, наоборот, стоит оставаться как можно более хладнокровной.

Тимур выходит из машины первым. На этот раз не спешит снова лапать меня. Открывает дверцу с моей стороны и нарочито галантно подает мне руку, негласно предлагая по-

мочь выбраться наружу.

Первая мысль: послать его ко всем чертям.

Вторая: разозлится ведь тогда.

Изображать покорность тоже не хочется.

Вдруг войдет во вкус?

Потом же...

– Будешь послушной девочкой, обижать не стану, – вкрадчиво проговаривает мужчина, показательно уставившись на свою руку.

Жест приходится принять.

– Они будут искать меня, – произношу тихо.

И практически молюсь, чтобы мой голос звучал без откровенной жалости к самой себе. Тем более что...

– Я знаю, – безразлично кидает Тимур, утягивая меня за собой к дому.

Пока я поднимаюсь по деревянным ступеням, воображение рисует картинку пропитанного плесенью и затхлостью подвала с грязным дырявым матрасом, на котором меня оставят. Цепи и кандалы на этой картинке тоже присутствуют, кстати. Преимущественно ржавые. Но крепкие. В них меня обязательно закуют. Будут морить голодом. Да и вообще всячески издеваться. Только бы я согласилась на всевозможные извращенческие игры в качестве безропотной рабыни. А еще немного погода это самое мое воображение позорно пасует перед тем, что кроется за внушительной двустворчатой дверью.

Дом...

Идеальный.

Запах еще пока необработанного дерева пронизывает легкие, стоит переступить порог. Я успеваю оценить сдержанный шик двухцветной гостиной с массивным камином, изучить часть изящно вырезанных из светлого дерева перил на лестнице, ведущей наверх, пока мужчина ведет меня мимо всего этого в... кухню-столовую, не какой-нибудь грязный жуткий подвал.

– Голодна? – интересуется он.

Да с такой беззаботностью, словно это не он меня украл и привез невесть куда!

Но все равно киваю. А еще...

– Мне нужно в туалет, – признаюсь честно.

Направление указано кивком головы. Пока хозяин остается таким внезапно добреньким и не меняет точку зрения, быстренько сваливаю туда. И только после того, как оказываюсь среди царства сизого мрамора, выдыхаю с превеликим облегчением, облокотившись спиной на запертую изнутри дверь.

Никакого подвала. Накормят. А еще... мой телефон со мной, во внутреннем кармане куртки. И Тимур об этом не знает.

Глава 2

Воспарившая в сознании надежда тает очень быстро. Связь здесь не ловит. Выясняю это, как только достаю гаджет.

Впрочем, на дурака мой похититель совсем не похож, так что неудивительно. Самое печальное – заряд батареи едва ли продержится долго, семь процентов осталось.

Аппарат я бережно выключаю. Заново озираюсь по сторонам. Помещение небольшое. Сантехника новая. Часть потолка идет под углом в сорок пять градусов, как если бы я находилась на уровне чердака, а не первого этажа. И там есть окно. Небольшое. Стены тоже невысокие. Стула, табурета или хотя бы тумбы нет, но если встать ногами на раковину и немного подтянуться... С губ срывается нервный смешок, едва представляю, как мой обтянутый джинсами зад застрянет в прямоугольном проеме.

Зачем я вообще позволила ему увести себя от пикапа?

Почему пошла с ним?

Дурная.

В окно не лезу. Предпочитаю иной вариант.

Сперва критически разглядываю себя в зеркало, потом умываюсь, привожу в относительный порядок волосы, заплетая их в косу. Воду включаю ледяную, так что в голове немного проясняется. Выхожу я из уборной через дверь.

Дальше не иду. Замираю в коридоре, прислушиваясь к доносящимся с кухни звукам. Судя по тому, что различаю, кто-то в самом деле собирается приготовить поесть. Кофе уже сварил. Терпкий запах напитка плывет от кухни по коридору, так и маня пойти навстречу. Аж желудок сводит, стоит вдохнуть глубже. Правда ведь голодна. Но пытаюсь сосредоточиться на более насущном. Например, на том, что не помню, запирали ли за собой мужчина замок на входе. Автомобиль – точно нет. Даже ключ оставил внутри. И если я прямо сейчас очень-очень тихо и аккуратно пройду всего лишь каких-то сорок шагов, умудрившись достаточно бесшумно открыть дверь, то...

Сейчас, или не факт, что еще когда-либо!

Срываюсь с места максимально быстро. Входной замок оказывается не заперт. Как и машина. Я трачу всего несколько секунд на то, чтобы оказаться за рулем чужой тачки.

Что ж, за последние сутки мне не впервой такое исполнять!

Единственное, что не учитываю, это...

– Секретка, – выдыхаю сквозь зубы разочарованно, когда понимаю, что машина не заводится, несмотря на наличие ключа зажигания.

Сперва слышится тихий щелчок, а после электроника на панели окончательно тухнет, знаменуя блокировку всех систем и мое позорное фиаско. Впрочем, настоящая беда приходит не в этот момент. Чуть позже, когда...

– Далеко собралась? – сухо отчеканивает мужчина, вытаскивая меня наружу, схватив обеими руками за ворот куртки, как какого-нибудь нашкодившего котенка.

Инстинктивно дергаюсь в сторону. Но и эта попытка избавиться от навязанной участи обречена на провал. Куртка трещит по швам. Тимур не просто встряхивает, буквально впечатывает в себя, прижимает спиной к холодному металлу, склонившись опасно близко. А затем... происходит что-то совершенно неправильное.

Хватает всего одного-единственного вдоха. Терпкий аромат его парфюма проникает в легкие, кружит голову. Сочетание citrusовых ноток с чем-то пряно-мускусным и древесным – как удар кувалдой по моей голове. Запах впитывается в легкие, проникает в кровь, травит мои вены, словно ядовитый эфир. И вместе с тем опутывает разум, подобно самому мягкому пуховому одеялу.

Замираю от столь разнополярных ощущений, в полнейшем замешательстве уставившись в глаза цвета хвои. Брюнет тоже не отводит своего взора. Смотрит пристально, неотрывно. Дышит все медленнее, тяжелее. А я пропускаю тот момент, когда его широкие, чуть шершавые ладони отпускают мою куртку. И вздрагиваю от тепла их прикосновения на своей шее. На мгновение кажется, сейчас схватит за горло крепче, перекроет доступ к кислороду. Но нет. Ошибаюсь. Его пальцы надавливают совсем чуть-чуть, плавно соскальзывают на затылок, притягивая меня еще ближе. Другая рука

все еще покоится на моей шее, аккуратно поглаживая большим пальцем, посылая мельчайшие разряды тока по коже, обостряя чувство неправильности происходящего.

Хуже всего то, что мне это даже почти... нравится. Настолько, что я позволяю дурману в моей голове и дальше затмевать рассудок. Поддаюсь ему. Временно проигрываю. С такой легкостью, будто бы делаю это не впервые. И не сопротивляюсь, когда чужие губы касаются моих.

Не поцелуй. Обещание. Едва осязаемое. Искушающее. Соблазняющее. Настолько ничтожно короткое, что все внутри буквально вопит и предательски требует большего. Просто для того, чтобы понять, каково это будет – по-настоящему. С ним... Это и возвращает в реальность.

– Так что там с расплатой? За вашу недобитую тачку, – произношу вслух, вновь взглянув в зеленые глаза.

Прямо. С вызовом. Без капли стеснения. Столь же нагло и демонстративно, как и расцветающая ухмылка Тимура.

– Именно это я и собирался с тобой обсудить. До того, как ты попыталась свалить, – отзывается он.

Больше ничего не говорит. Берет за руку и тянет за собой обратно в дом. А цитрусовый аромат с древесными нотами по-прежнему ощущается настолько явно, как если бы мужчина до сих пор прижимал меня собой к своей машине. Легче не становится и тогда, когда мы оба оказываемся на кухне. На столе стоит две чашки с кофе, на плите – готовый омлет с беконом в сковороде, а на кухонном островке – распечатан-

ная бутылка арманьяка. Судя по отсутствию стакана поблизости, употребляли ее прямо из горла.

На этом я и акцентирую свое внимание.

Делаю лишь глоток. Янтарный алкоголь обжигает горло, оставляет горький привкус на губах. Зато теперь я почти готова приступить к обещанному Тимуром обсуждению. Меня даже не смущает тот факт, что он до сих пор не отпускает мою руку. Как только я разворачиваюсь к нему лицом, придвигается еще ближе. Я вновь оказываюсь в своеобразном капкане. В спину упирается каменная столешница. Сам брюнет — настолько близко, что я слышу, как сильно колотится сердце в его груди.

Тук-тук-тук...

Или это мое сердце вновь заходится как заполошное?

Неважно...

Его ладонь все еще сомкнута на моем запястье, а другая рука касается щеки, убирает мои выбившиеся из косы локоны подальше от глаз, заботливо заправляет за ухо, прочерчивает невидимую линию по чувствительному участку кожи. Я с шумом сглатываю. В горле снова пересыхает. Мне нужно отвернуться, отвести взгляд, перестать тонуть в этих искушающих ощущениях. Но я не могу. Я в ловушке его пристального взгляда. Тону в бездонном зеленом омуте. Вязну в этом болоте. И пропадаю в исходящем от сильного мужского тела тепле. Слишком уютно оно обволакивает и поглощает. Настолько, что хочется прижаться к мужчине щекой, почув-

ствовать его жар отчетливее, впитать в себя. Разумеется, ничего из этого я не делаю. Просто стою и смотрю на него, постепенно все больше уверяясь в собственном сумасшествии.

Ведь мне все это уже совершенно точно нравится...

Его пальцы все еще гладят, соскальзывают к затылку, слегка сжимают, массируют, а затем снова двигаются вверх. Успокаивающе и в то же время возбуждающе. Пробуждая мириады мурашек по всему моему телу. Он собирает мои волосы в кулак, сжимая их у самых корней, и запрокидывает мою голову назад, нависая надо мной, вынуждая смотреть на него снизу вверх.

Пауза длится всего секунду...

И мою личную вечность.

Жест довольно грубый. Но и нежный. Мне совсем не больно. И я не могу вырваться, даже если бы захотела. А я не хочу. Прямо здесь и сейчас я желаю многого. Но точно не того, чтобы Тимур останавливался. Есть в этом что-то уничижительно-восхитительное, возбуждающее даже больше, чем прикосновения. Сводящее с ума. Будоражающее настолько, что кровь в моих венах почти закипает, пылая, смешиваясь с неистовым биением сердца... Все. Больше нет ничего иного. Только бушующий пожар неутолимой жажды вспыхнувшего желания. Самой меня тоже нет. Будто уже и не я – какая-то дикая, слетевшая с катушек часть меня теперь властвует и распоряжается моим телом. А все разумное во мне просто теряется под властью зеленого взора. И я сама тянусь муж-

чине навстречу.

Мои руки исследуют крепкие плечи, широкую спину, горячую кожу, кончики пальцев скользят по темным волосам. Я безумно хочу, чтобы он меня целовал, с жадностью прижимаюсь губами к его губам, совсем не сдерживая вырывающийся из груди стон. Тимур поглощает его. Забирает мой кислород. Крадет последнюю возможность свободно дышать. Снова гладит мой затылок, выводит незримые узоры вдоль позвоночника, спускаясь к пояснице. Ох... еще ниже. Пальцы впиваются в ягодицы. Подхватывают и приподнимают, вжимая в себя сильнее. Чувствую его эрекцию. Обвиваю ногами за талию. Еще секунда – я усажена на столешницу. Новый мой стон куда громче предыдущего. И я уже не думаю о том, насколько это все неправильно и дико. Даже когда слышу тихое, чуть хриплое:

– Хочу тебя. Прямо здесь.

Не могу сказать, что наши желания не совпадают. Но и вслух ничего не произношу. Мои пальцы слегка подрагивают, когда я тяну вверх его футболку, обнажая торс. Сильный. Накачанный. Каждая мышца будто сталь. Тимур ровно такой, как я себе могла бы представить. И совсем не это поражает мое воображение. Грудь и левое предплечье пересекают тонкие белесые линии. Шрамы переплетаются с искусной вязью неразборчивого, непонятного для меня шрифта в перекрестье лиан. Похоже на иврит, арабский и что-то еще, о чем я никак не могу вспомнить. Мои ладони буквально пока-

лывает в желании провести по каждой черточке, разобрать, разглядеть, расшифровать десятки мельчайших фраз, узнать их историю... Да только Тимур не оставляет такой возможности.

Его футболка на полу. Я судорожно хватаю ртом воздух, когда его ладонь знакомо смыкается на моем горле, в то время как другая его рука одним рывком избавляется от застешки на моих джинсах. Заклепка банально отрывается, отлетает, с глухим звоном ударившись о паркет. Забываю о ней в то же мгновение. В глазах цвета хвои я вижу чистейший голод, граничащий с животной похотью. И эта самая потребность отражается во мне болезненной пульсацией внизу живота. Никто и никогда не смотрел на меня так. Будто кроме меня не существует других женщин. Мои ноги дрожат, бедра сводит судорогой. Я прикрываю глаза, откровенно наслаждаясь тем, как его пальцы скользят поверх хлопковой майки, обхватывают грудь, снова возвращаются к шее. От прикосновения под джинсовой тканью слегка вздрагиваю. И вздрагиваю снова, когда джинсы соскальзывают с моих бедер вместе с бельем.

Больше никаких прелюдий. Проникновение – резкое, грубое, не оставляющее ни шанса на то, чтобы опомниться, остановиться. Одна рука до сих пор покоится на моем горле, другая – между моими ногами. Одна – сдавливает полусогнутыми пальцами снизу, другая – сжимает сверху. Одна давит достаточно, чтобы заставить меня трепетать от острых

ощущений, другая гладит изнутри столь правильно и необходимо, что все окружающее меркнет, будто наступает крошечная ночь. Кажется, я начинаю понимать, как можно увидеть звезды, даже если их нет... волна оргазма ошеломляет, ослепляет, словно весь мир взрывается и осыпается мириадами мельчайших искр перед моими глазами.

Едва ли я способна пошевелиться. Но Тимура мало волнует мое состояние. Он сдергивает меня со столешницы, ставит на ноги и разворачивает к себе спиной, чтобы уложить грудью на мраморную поверхность. Я слышу звук расстегиваемой молнии на брюках и чувствую горячее дыхание около своего виска, тяжесть его тела. Хриплый выдох – и брюнет вторгается снова.

Господи, какой же он огромный...

От ощущения наполненности хочется вопить в голос. Меня буквально разрывает изнутри. На глаза наворачиваются слезы, и я до крови раскусываю нижнюю губу, дернувшись в сторону в инстинктивной попытке избавиться от боли. Тщетно. Мужчина замирает всего на пару секунд, очевидно давая возможность привыкнуть. Удерживает за бедра все так же неумолимо крепко. Срывается в бешеный темп... Толчок, другой, еще один, и еще, еще... Я вновь стону, дрожу и хнычу, снова и снова прикусывая нижнюю губу. Жесткие движения причиняют боль. И... блаженство.

Время растягивается в бесконечность.

Едва ли я соображаю достаточно адекватно, чтобы вести

ему счет. Но все равно улавливаю тот самый нужный момент, когда вместе с подступающей дрожью моего второго в жизни оргазма близок к пику наслаждения и мой партнер. Я приподнимаюсь совсем немного, замечая, как отчетливее проступают вены на его сильных руках. Последний толчок внутри меня, и ощущение наполненности исчезает. Горячее липкое семя проливается мне на поясницу, и чужое рваное, хриплое дыхание застывает у моего виска.

Вряд ли мне представится лучшая возможность. И я пользуюсь ей без малейшего зазрения совести.

Приподнимаюсь снова, совсем чуть-чуть. И только для того, чтобы дотянуться до той самой злосчастной бутылки арманьяка, о которой думала еще в момент появления здесь.

Грохот обрушившегося стекла отражается в сознании чем-то далеким. Удар настолько сильный, насколько только меня хватает. И молитва... Да, теперь я и про господа бога вспоминаю вот уже дважды за последний час и даже молюсь. На что не пойдешь, лишь бы здоровенное тело позади меня рухнуло на пол.

– Сказала же, все равно сбегу, – хмыкаю негромко, пройдясь оценивающим взором по содеянному и бессознательному брюнету у своих ног.

Глава 3

Звуки проносящихся мимо автомобилей отзываются внутри монотонным эхо. Едва ли оно совпадает с гулкими ударами сжимающегося в груди сердца. А я сама, как конченная неврастеничка, то и дело оборачиваюсь, высматривая на дороге серебристый Aston Martin. Все время кажется, что вот-вот вывернет из-за какой-нибудь машины, догонит в пару маневров, обгонит в считанные секунды, перекроет дальнейший путь, и тогда наступит та самая расплата, при мысли о которой заранее жутко до черных точек перед глазами. Но, конечно же, ничего такого не происходит. Да и тачку Смоленского я оставляю на задворках первой попавшейся заправки, сменив средство передвижения на такси. Мужик определенно придется потрудиться, чтобы сперва найти свое железо. По-хорошему, надо было вообще бросить его машину в каких-нибудь неприметных кустах. Но жалко стало. Угонят еще. А так – под камерами, и место более-менее цивильное. Вроде как точно в сохранности.

Вот теперь и приходится ерзать...

Ох уж это мое воображение!

Впрочем, сейчас оно еще поутихло. Вот тогда, когда я стояла посреди кухни и представляла себе, что мне придется обыскивать пребывающую в отключке грудку стальных мышц, дабы отыскать треклятую секретку, а брюнет может

очнуться в самый неподходящий момент... Хорошо, додумалась сперва обшарить его пальто! И просто замечательно, что искомое оказалось в виде дополнительной кнопки, валяющейся во внутреннем кармане верхней одежды, а не каким-нибудь заумным тумблером в скрытом месте самой машины! Хоть в чем-то мне повезло. Остальное... Даже думать об этом не хотелось. Жаль, не стереть из памяти ни жаркие объятия и поцелуи, ни ту боль, что, казалось, въелась в меня на уровне подсознания, подобно выжженному клейму. Все же не на такой свой «первый раз», как правило, рассчитывает каждая из нас. С другой стороны, будучи затащенной в глухомань, где и труп, в случае чего, не найдут, я еще легко отделалась. Да, на этом сосредоточусь! А ноющая боль, скользящая нутро... Заживет. Пройдет. Всегда все проходит, рано или поздно.

– Так куда едем-то, девушка? – вырывает из пелены тяжелых раздумий голос водителя.

Когда я примерно пятьдесят минут назад села на заднее сиденье желтой машины с шашечками, назвала только населенный пункт, конкретного адреса не давала.

– Я покажу, – отзываюсь тихо.

Не вижу никакого смысла озвучивать наименование улицы и номер дома. Все равно это ему ни о чем не скажет, раз уж не местный. К тому же от продолжения разговора отвлекает вид сбоку. Нет, в рассчитанной на двухполосное движение дороге нет ничего странного. Наоборот, выглядит обыч-

но. При всем при том, что именно здесь я накануне выехала на встречу. Но спустя всего каких-то три или четыре часа нет и следа от аварии.

Да и хрен с ним!

Не остается никаких сил на размышление об этой странности.

Мне бы в душ...

Смыть с себя все. Наконец избавиться.

– Поворот направо, – возвращаюсь к реальности. Водитель понятливо кивает. А еще спустя пятнадцать минут я пользуюсь функцией «плати смартфоном» и оказываюсь перед четырехэтажной усадьбой, увитой плющом. Судя по количеству чужих автомобилей у парадного входа, в доме гости. С одной стороны, мне глубоко плевать, чем очередным субботним утром развлекает себя отчим, с другой – небольшая часть меня радуется тому, что его внимание сконцентрировано на чем-то, и это не я.

В дом я захожу с бокового входа, которым пользуются преимущественно служащие, понадеявшись, что таким образом останусь незамеченной как можно дольше. С учетом, что сегодня выходной, ожидания оправдываются, в той стороне действительно никого нет. И все бы ничего, но обзор на первые ступени лестницы на верхние этажи граничит с холлом и переходом в общую гостевую, из которой доносится далеко не первой трезвости гогот мужских голосов.

– ...видел бы ты его рожу в тот момент! – фыркает в пол-

нейшем презрении один из них.

– Да зачем мне его рожа? Мне обзора на голую задницу его секретарши вполне хватило! – отзывается с надменным цинизмом хозяин дома.

Он же Фролов Анатолий Леонидович, мой отчим и самый главный мудака среди всех собравшихся – любитель пристроить свой «прибор» в «любую дырку», а потом со вкусом порассуждать на эту тему в обществе своих подхалимов. Вот и сейчас его высказывание сопровождается громкий хохот остальных. И я почти уже готова воспользоваться подвернувшейся возможностью, под шумок проскользнув мимо, пока не заметили, но последующее вынуждает замереть на месте.

– Видимо, эта задница была весьма шикарная, раз ты променял ее на такой выгодный контракт, – отпускает замечание третий участник разговора. – Вряд ли теперь «Атлас» захочет пользоваться твоими услугами.

Упомянутую компанию отчим «окучивал» не одну неделю. Ибо когда то и дело спускаешь деньги на бухло и развлечения, попутно теряя других клиентов, финансы имеют свойство заканчиваться.

Кажется, кое-кто на грани разорения...

И его это не особо волнует.

– Да и пошел он на х*р, этот «Атлас», в таком случае! – подтверждает мою последнюю мысль отчим. – Секретарша, кстати, тоже оказалась так себе!

Снова слышится одобрителный гогот. И я не задерживаюсь, стараясь пройти максимально быстро мимо, но...

– О! Смотрите-ка кто явился! – слышится от Фролова, едва я попадаю в зону видимости со стороны гостиной. – На-асте-ена-а моя вернулась! – растягивает и коверкает мое имя.

Вынужденно останавливаюсь и оборачиваюсь, ведь мужчина поднимается с кресла и направляется в мою сторону.

От него несет табаком и двухдневным перегаром. Я едва удерживаю на лице маску спокойствия, внутренне скривившись от брезгливости.

– Где была? – нависает надо мной, нагло лапая пальцами за подбородок.

Отшатываюсь. Правда, расстояние между нами все равно остается ничтожным. За спиной – лестничное ограждение, обойти его я не успела.

– У... Лены, – лгу с небольшой запинкой.

По-хорошему, свалить бы без всяческих объяснений.

Но не хотелось бы, чтоб он за мной последовал. Едва мы остаемся один на один, ничего хорошего из этого не выходит. Например, как совсем недавно, когда мужчина, предварительно накачавшись вермутом и напоив им же меня, решил продемонстрировать все свое «природное обаяние», а заодно узнать, не желаю ли я «стать взрослее». Разумеется, с его помощью.

Мудак!

– А машину мою куда дела? – хмурится между тем отчим, разглядывая через окна в холле подъездную территорию усадьбы.

Хороший вопрос, однако!

На который у меня нет ответа.

– Оставила. У Лены, – лгу снова.

На этот раз без запинки. И очень жду его реакции. Ведь если он знает, что я его обманываю, долго терпеть не станет, взорвется сразу. А если нет... Значит, машину забрал кто-то еще. Может быть, дорожно-постовая? Но тогда почему до сих пор не оповестили?

– Зачем? – хмурится больше прежнего отчим. Судя по видимым потугам на его физиономии, реально пытается сообразить. Я, кстати, тоже.

– Не хотела, чтоб гаишники права забрали за вождение в нетрезвом виде, – выдаю первое, что приходит на ум.

И неважно, что это за уши притянуто.

– А-а-а... – понятиливо кивает мужчина. – Больше не смей брать мою тачку без разрешения, – добавляет строгим тоном, пригрозив пальцем.

Пошатывающейся походкой он возвращается в гостиную. Я же выдыхаю с облегчением и направляюсь вверх по лестнице, на четвертый этаж. Там сперва закрываю на замок дверь в своей спальне, а затем запираюсь в ванной, после чего скидываю на холодный керамогранит и ботинки, и одежду.

«Сжечь бы все», – проносится в голове, пока смотрю на вещи.

Однако наличие добрых шмоток и так в дефиците.

В душевой провожу не меньше часа. Горячие струи обжигают плечи и лицо, смешиваются со стекающими по щекам слезами. А я снова и снова гоню прочь образы недавнего прошлого, с завидным мазохизмом выползающие из памяти.

Нет, я не буду сожалеть. Раскисать тоже не буду. Прошло ведь уже. И тянущая боль внизу живота почти не ощущается. Крови тоже нет. Разве что синяки на моих бедрах остаются слишком отчетливыми. Но ничего. Это тоже скоро исчезнет. К тому же я подписалась на это почти добровольно, по собственной инициативе. Теперь бы еще сделать так, чтобы последствий никаких не возникло... С мыслью о последнем я возвращаюсь к себе в спальню. Завернувшись в плотное пушистое полотенце, первым делом ставлю свой потрепанный жизнью айфон на зарядку. А немного погода набираю по видеосвязи единственной в этой жизни, кому могу довериться. Школьная подруга берет трубку почти сразу.

На экране появляется кучерявая блондинка, позади которой высится изголовье кованой кровати с кучей привязанных алых бантиков.

– Привет, Лен, – улыбаюсь ей.

Она улыбается в ответ. Не так фальшиво, как я, вполне жизнерадостно. Ровно секунду. А уже в следующую, быстро оценив мое состояние, хмурится.

– Этот козел снова пристаёт? – интересуется тоном дознавателя.

Отрицательно машу головой.

– Я в ДТП попала. Тачку его разбила.

– Оу... Рвет и мечет?

– Если бы, – хмыкаяю обреченно. – Он не знает. На губах блондинки расцветает понимающая усмешка.

– Скажу Косте, он с ребятами в сервисе договорится. В рассрочку. Все быстро и красиво сделают. Жлоб не поймет даже, – предлагает Лена.

Попадает прямо в точку. Почти.

– Супер! – отзываюсь. – Но только тачку сперва найти надо. Она пропала, – вздыхаю уныло.

– В смысле пропала? – округляет глаза собеседница.

– Я ее на дороге оставила. То ли угнали, то ли забрал кто-то, не знаю. Сомневаюсь, что она вообще на ходу, – говорю как есть, пожимая плечами. – Можешь попросить Костю поискать ее?

Старший брат школьной подруги и не такое может. Не зря же в уголовном розыске трудится.

– Ага, ты мне только данные перешли, – кивает Лена. – Он, правда, на стрельбище уехал, но как вернется, займется.

– Перешлю, – киваю согласно, колеблюсь еще пару мгновений, а после все же дополняю: – Еще номера другой тачки скину, в которую врезалась. Пусть тоже посмотрит, ладно? Хозяин... Странный. Немного.

– Что, не оформляли аварию, что ли?

– Нет. Мы... Договорились.

«О да! Теперь это так называется?» – тут же ехидничает собственное подсознание, посылая ментальный подзатыльник за столь сильно обобщенную версию событий.

Но и сказать правду язык не поворачивается.

– Ага, ладно, – слышу ответ на свой вопрос, а через небольшую паузу: – И насколько он странный? – подозрительно прищуривается девушка. – По шкале от Джека Воробья до Джокера? – понижает тон до заговорщицкого шепота.

Раздумываю я недолго.

– Ганнибал Лектор!

– О-о-о... – протягивает Лена.

Она определенно добавила бы что-нибудь еще, но в дверь моей спальни колотятся, будто настает конец света.

Хотя ничего такого, конечно же, не происходит. Это отчим, к сожалению, снова вспоминает о моем существовании.

– Я переодеваюсь после ванны! – кричу в ответ на малопонятные вопли опекуна с той стороны двери.

Пока накидываю халат и завязываю пояс потуже, колотить в дверь он не перестает, к слову. Да и вообще выглядит не особо адекватно (впрочем, это его обыкновенное состояние, но сейчас еще хуже, чем обычно), как только я открываю. Глаза лихорадочно горят и светятся таким уровнем счастья, будто только что сорвал джекпот. Хотя, если б это действительно было так, то я – последняя, к кому бы он явился «по-

делиться».

– Приоденься посимпатичнее, сегодня вечером мы с тобой идем в Darwin! – заявляет он сходу, упоминая один из самых дорогих городских ресторанов.

– В честь чего это?

К тому же в подобное место столики бронируются минимум за неделю. Так сразу туда вообще не попасть, если только не хозяин.

– Подписываю договор с «Атласом»!

Ах вот оно что...

Неожиданно.

– А я думала, переговоры сорвались, – усмехаюсь невольно, вспомнив недавно услышанное в гостиной.

Как еще одна странность, отчим не дерзит в ответ, не отпускает свои фирменные сальные шуточки, только рассеянно проводит рукой по волосам... смутившись.

У меня галлюцинации?

По всей видимости, да, потому что...

– На вот, купи себе платьице какое-нибудь приличное, – продолжает удивлять меня Фролов, протягивая несколько купюр крупного номинала. – И прическу себе сделай. Макияж там, все дела. В общем, чтоб не стыдно показаться на людях было.

Честно говоря, стыдно показываться на людях мне будет как раз в его компании. Даже если я сама буду в бигудях и неглиже. Но это я оставляю при себе. И деньги беру без

зазрения совести.

– А туфли? – натягиваю невинную улыбочку, нагло пользуясь моментом. – Хорошие туфли стоят больше, чем платье.

Отчим заметно хмурится. Идея расстаться с большим количеством наличных ему явно не по душе. Но и минуты не проходит, как я получаю еще столько же.

– На распродажу какую-нибудь сходишь... – ворчит, разворачиваясь на выход. – Будь готова к шести.

И даже дверь за собой закрывает!

В общем, я в глубоком шоке...

Как и Лена.

Так и не выключила же я видеозвонок.

– Слушай, ты в аварию когда попала, его случаем в багажнике не было? Может, тоже стукнулся? Головой... – задумчиво проговаривает подруга. – Сколько дал? – хмыкает в дополнение.

– Тридцатку, – подсчитываю свое временное «богатство».

– Ого, какая щедрость, – удивляется блондинка, а через короткую паузу: – Куда за шмотками пойдем? – подмигивает заодно.

С учетом, что деньги мне совершенно точно пригодятся на ремонт разбитого пикапа...

– Как это куда? Сказано же, на распродажу! – улыбаюсь хитро.

С экрана гаджета слышится звонкий, залиvistый смех. Впрочем, дальнейшую болтовню приходится прервать, что-

бы собраться на выход за покупками. Как бы мне ни хотелось просто упасть и как минимум выспаться, закидываюсь парой таблеток обезболивающего, беру с собой про запас еще несколько и направляюсь готовиться к сегодняшнему вечеру. Как бы я ни относилась к отчиму и его обществу, если мое присутствие необходимо для того, чтобы мои младшие братья были сыты и обуты, перетерплю...

Глава 4

Что вы знаете о боли? Лично я этим утром думала, что узнала многое. Но я ошиблась. Столкновение на встрече, психованный мужик, затащивший в лесную глушь, и акт животного соития, забравший мою девственность, – ничто в сравнении с тем, чтобы этим же вечером нацепить семнадцатисантиметровые шпильки, а потом истошно-радушно улыбаться, когда больше всего на свете хочется зарядить этими замшевыми, расшитыми пайетками колодками кому-нибудь в лоб! Адские муки не смягчает даже пятисантиметровая платформа, которая компенсирует высоту подъема. Однако туфли винного оттенка выглядят крышесносно шикарно и дорого – именно поэтому я на них позарилась этим днем. Распродажный ценник с указанием семидесятипроцентной скидки... Не зря говорят, жадность губительна!

– Добрый вечер, – вежливо здоровается с отчимом администратор, как только мы появляемся на входе в Darwin.

Мой спутник тоже одет более чем достойно. Идеально выглаженный дизайнерский костюм и обилие парфюма умело маскируют облик заядлого пропойцы. Уж не знаю, сколько льда он приложил к своей физиономии за прошедшие часы, но на ней не остается и следа от затяжной пьянки. Вместо наименования брони отчим обозначает цель нашего визита, упоминая хозяина «Атласа», владеющего в том числе и этим

заведением. Лицо стоящей у стойки блондинки в черно-белой униформе моментально становится еще более счастливым, словно перед нами уже не просто служащая, а мамочка родная, которая только нас и ждала.

Она ведет нас сквозь зал в шоколадной гамме с античными колоннами, вычурными арками и роскошной мебелью. Судя по тому, что я вижу под своими ногами, тут даже в паркет втерта золотая пыль. Заметив последнее, мысленно усмехаюсь своему выбору обуви. Судя по окружающему интерьеру, тут все и вся со встроенной функцией «выпендреж восьмидесятого левела», так что не зря я сама вырядилась по полной программе, потратив не только треть выданных мне денег, но и убив почти два часа на макияж в дымчатом стиле и плетение французской косы, в данный момент изящно заколотой шпильками чуть правее затылка.

– Неплохо, правда? – озирается по сторонам Фролов. Администратор идет чуть впереди нас, и он говорит тихо, так что она не слышит, ведь посетителей в ресторане полно, нет ни одного свободного столика.

– Да уж, – не вижу смысла отрицать.

– Говорят, чистая суточная выручка этого местечка превышает полтора ляма. Прикинь тогда, какие у них обороты. А у «Атласа» таких ресторанов не меньше тридцати по всей стране, – продолжает восхищаться отчим. – Если все пройдет хорошо и мы подпишем договор долгосрочной поставки, это обеспечит всех нас до конца дней наших. Возможно,

даже удастся тебя отправить доучиваться в Лондон, как ты мечтала, Настена.

На последних его словах мой рот непроизвольно открывается. Не потому, что я собираюсь что-либо сказать.

Если бы сейчас вместо отчима передо мной выплясывали румбу стадо северных оленей, я бы удивилась меньше, чем подобному проявлению такой потенциальной щедрости.

– Так что будь умницей и веди себя хорошо, – снисходительно ухмыляется, заметив мою реакцию, мужчина. – Много не болтай. Смоленский не любит болтливых женщин.

Что я там вещала про удивление и северных оленей?!

– Смоленский? – спотыкаюсь на ровном месте. Не падаю. Отчим вовремя подхватывает под локоть.

Он же тащит меня дальше за администратором, так что попытка затормозить и переосмыслить оказывается безуспешной.

– Смоленский, – кивает в подтверждение Фролов, сворачивая из основного зала к террасе. – Тимур Андреевич.

В этот момент мы покидаем помещение, оказываясь среди царства белоснежных кресел с высокими спинками, небольших круглых столиков и прозрачных стеклянных стен, открывающих вид на панораму ночного города с высоты здания. Здесь, в отличие от основного зала, посетителей практически нет. Занят один-единственный столик в самом конце террасы. И если присутствие облаченной в кремовое платье с открытой спиной девушки остается где-то на краю созна-

ния, то направленный на меня взор цвета хвои моментально пробирает до дрожи, заставляя сердце заколотиться как в последний раз.

Твою ж...

Да как так вообще?!

Подстава...

Ощущение оно, к слову, лишь усиливается, как только мы приближаемся к столику, где располагается хозяин ресторана. Свалить бы отсюда, по-хорошему, да только отчим вцепился, словно клещ. Ни в какую возможность выгодного контракта мне уже не верится. Слишком оценивающе и пристально разглядывает исключительно мою персону Смоленский. Того и гляди уже ментально разложил по косточкам. И прикопал где-нибудь заодно.

– Вечер добрый, – расплывается в разлюбезной улыбочке мой спутник, бесцеремонно пихнув мне под задницу ближайший стул.

Падаю на него скорее от неожиданности, нежели по собственному желанию.

– Добрый-добрый, – приторно ласково отзывается брюнетка в кремовом наряде со слащавой улыбочкой. – Пелагея, – представляется следом, протянув правую руку Фролову.

Тот галантно прижимается к тыльной стороне ладони губами и называет свое полное имя, прежде чем расположиться напротив Смоленского, по левую сторону от девушки, а

затем представляет и меня. Смоленский между тем упорно молчит. Не менее упорно прожигает меня полным странно-предвкушающего обещания взглядом. Я же... Да, тоже бессовестно пялюсь на него. Точнее, на две небольшие полосочки из пластыря, приклеенные чуть выше виска, скрывающие наложенные швы.

Интересно, существует ли хоть одна миллиардная доля вероятности, что все происходящее – жуткое стечение обстоятельств? Не менее интересно, кому ж я настолько сильно нагадила в прошлой жизни, что теперь приходится так отхватывать. А еще...

– Ушиблись где-то? – срывается с моих уст в напускной вежливости адресованное Тимуру.

Должна же я знать, будет ли он молчать о нашем с ним знакомстве, или же вывалит все в самый неподходящий момент.

– Да, – отзывается он после небольшой паузы. – Можно сказать, проиграл в неравной схватке, – дополняет, слегка прищурившись.

Замечаю в зеленых глазах насмешку. И все то же невысказанное обещание, от которого у меня колени начинают дрожать.

– Надеюсь, не очень больно, – откровенно вру.

Ибо все с точностью наоборот.

Пусть мучается, зараза!

Не все мне одной страдать...

Смоленский не отвечает. Дарит мне неопределенную ухмылку. А возникшая пауза грозит в скором времени превратиться в неловкую. Благо отчим своевременно реагирует.

– Пелагея... – протягивает он. – Такое редкое и прекрасное имя. Хотя его обладательница еще прекраснее, надо заметить, – отвечает комплимент.

Честно говоря, меня бы на ее месте перекосило от столь дешевого подката. Но брюнетка ничего подобного не испытывает. Наоборот. С завидным энтузиазмом улыбается шире, наклоняясь к мужчине, пока тот прилипает взглядом к объемам груди пятого размера, почти вываливающейся из тесной ткани с глубоким вырезом. И смотрит на него с таким восхищением, будто ей вообще прежде никто никогда в жизни комплиментов не делал. Последующие полчаса она и вовсе сладко вещает о всякой чепухе, беспрестанно кокетливо хлопая своими накладными ресничками, не забывая то и дело заботливо подливать вина в его бокал.

В чем тут подвох – догадаться не сложно!

Отвлекает она его, в общем.

А если вспомнить услышанное мною этим утром от него же самого, никакой контракт с «Атласом» моему отчиму не светил, после того как...

– Что за история с секретарем? – продолжаю мысль уже вслух.

Улавливаю осуждающий взгляд от Фролова, заинтересованный от брюнетки и все такой же невозмутимо оцениваю-

щий мою персону от Смоленского.

Ага, значит, Пелагея – не та секретарь, а отчим на самом деле провинился. В чем убеждаюсь уже вскоре.

– Вчера, на благотворительном вечере, я немного перебрал, а Лиза... она... неправильно меня поняла, – оправдывается отчим, ссутулившись.

Лично я в столь лайтовую версию не верю. Смоленский, судя по тому, как заметно напрягаются его плечи, тоже. И даже больше.

– После того как *уважаемый* Анатолий Леонидович прикончил двенадцать порций джина с тоником, он затащил мою ассистентку в подсобку, а потом отымел ее с таким усердием, что это слышало минимум семнадцать человек, – сухим тоном проговаривает Тимур, делает демонстративную паузу, а после дополняет неестественно заинтересованно: – Вы точно не родные?

Хорошо, я ничего не ела и не пила. Точно бы подавилась. Как давится отчим. Кашляет он, к слову, долго. За это время я успеваю не только переварить всю степень подкола со стороны Смоленского и выдать мысленно минимум десять вариантов того, что бы ему эдакого противопоставить, но и проклясть до седьмого колена... А вот вслух произношу вполне безобидное и спокойное:

– А вы с какой целью интересуетесь, Тимур Андреевич? – цепляю милейшую улыбочку, чуть склонив голову вбок в подобии заинтересованности. – Тоже скучаете по подсобкам?

Последнее – определенно лишнее. Но я не жалею. И не обращаю внимания на вытянутое от шока лицо отчима.

Как и на округлившиеся в недоумении глаза сидящей рядом с ним. Продолжаю смотреть исключительно на Смоленского, лицо которого заметно каменеет, а руки сжимаются в кулаки. Жаль, не успеваю вдоволь насладиться картиной его гнева. Слишком быстро он берет себя в руки. Его плечи расслабляются, мужчина откидывается на спинку кресла, после чего лениво подбирает свою порцию алкоголя. Смоленский пьет не вино. Арманьяк. Не разбавленный, безо льда.

– Нет, – произносит тихо. – Не люблю доступное.

На его губах расцветает небрежная ухмылка. Именно в этот момент моя улыбка меркнет. Нет, не потому, что меня только что фактически оскорбили. Хотя, скорее всего, брюнет именно так и считает, слишком уж прет от него ощущение высокомерного превосходства. Я швыряю на стол салфетку, которую последние пять минут комкала в руках, дабы унять нервозность, а затем, в очередной раз проклиная свои «дивные» туфли, просто-напросто направляюсь на выход с террасы. И плевать, что они подумают.

Ухожу недалеко. Да и что уж там, добраться до уборной – и то подвиг. Низ живота скручивает острой судорогой, будто кто-то вяжет из моих внутренностей морские узлы, и я вынужденно цепляюсь за край одного из умывальников, чтоб не упасть, а то ноги подкашиваются.

Как некстати заканчивается действие обезболивающих!

Проглатываю две таблетки. Потом, немного погодя, прикинув минимальное количество времени, которое в любом случае придется потратить на некоторых мудаков, и то, что лимит суточной дозы я превышаю еще днем... глотаю дополнительную парочку. Скорее всего, не напрасно, потому что от новой волны боли у меня не только ноги подкашиваются – пузырек с таблетками предательски вываливается из рук, и содержимое вываливается в раковину.

По-хорошему, все это было бы неплохо запить стаканом молока, но и вода из-под крана тоже сойдет, я не привередливая. С удовольствием бы умылась, но макияж потечет, поэтому просто прикладываю холодные мокрые ладони к шее, мысленно отсчитывая уходящие секунды и свои вдохи-выдохи в ожидании, когда станет чуть легче... Легче не становится. Наоборот. Дверь в женскую уборную хлопает, а я замечаю в зеркалах массивную мужскую фигуру.

Ну да, только его «не хватает» в данный момент для всей полноты спектра моего «счастья»!

– А я все стою и думаю, когда же ты придешь? – комментирую чужое появление в откровенной язвительности.

Да, несу полнейший бред. Лишь бы брюнет не обратил внимания, как я цепляюсь за край умывальника с новой силой, стараясь не кривиться от боли. Он и не обращает. Смоленский останавливается за моей спиной, хмуро оглядывает устроенный мною беспорядок.

– Ты что, под кайфом? – интересуется мрачно.

– Ага, мало того что шлюха, так еще и наркоманка, – огрызаюсь, с сожалением разглядывая скатывающиеся вместе с водой в слив таблетки. – Все еще хочешь подписать контракт с моим отчимом? – добавляю, снова концентрируюсь на отражении в зеркале. – А то мы пусть и не родственники, но среда обитания-то одна. Вдруг это еще похуже, чем совпадение по генам? – ухмыляюсь ядовито.

Мои слова Тимур пропускает мимо ушей. Подбирает пустой пузырек, вчитываясь в этикетку. Едва заметно, но в зеленом взоре проскальзывает облегчение, после чего мужчина критически оглядывает меня с головы до ног и обратно.

– Тебе плохо?

Хочется сообщить о «гениальности» его дедукции, а также посоветовать, куда ему с этим несомненным «талантом» деваться по жизни, но на деле я молчу. Прислушиваясь к внутренним ощущениям и пытаюсь определить, смогу ли выйти из туалета, вернувшись за столик, или же позорно свалюсь где-нибудь по пути, переломав себе ноги с высоты собственных каблуков.

– И я не называл тебя шлюхой, – дополняет подозрительно мягко Смоленский, так и не дождавшись моего ответа.

Вот оно...

Последняя капля. То, от чего я моментально закипаю.

– Да ладно? – резко разворачиваюсь. – А ночью тогда что это было? Или скажешь, не ты затащил меня в несусветную глушь, а потом поймел на кухонном столе так, будто это по-

следний трах в твоей в жизни? – вскидываю голову, глядя на него с вызовом, попутно вспоминая все сопутствующие обстоятельства. – Ты ведь уже тогда знал, кто я такая, когда увидел документы, да? – задаю вопрос, но не жду ответа, продолжая уже на повышенных тонах: – Знал! И вовсе не в фотографиях дело... Что, отчим поимел твою любимую секретаршу и ты решил вернуть ему должок, отымев меня? Это извращенная форма мести такая, да? – выдаю следом все нехитрые выводы. – Все, сполна насладился? Ты ведь нас сюда за этим пригласил? Почувствовал удовлетворение? Доволен? Теперь я свободна? Больше нет необходимости наблюдать твою самодовольную рожу? – разворачиваюсь на выход.

Но уйти не удастся. Мужчина крепко обхватывает мои плечи, удерживая около себя. Дергаюсь вбок, однако попытка избавления заканчивается тем, что Тимур подается вперед, прижимая собой к умывальнику, и склоняется ближе, позволяя ощущать его дыхание на моем виске.

– Да, я знал, кто ты. И да, именно поэтому забрал с собой. Но в остальном ты не права, золотце. Если забыла, напомним: еще во дворе я тебе сказал, что собираюсь лишь поговорить с тобой. А потом дожидаться, когда твой отчим за тобой придет. Я тебя ни к чему не принуждал. Ты сама этого захотела, – проговаривает убийственно спокойно, почти миролюбиво.

А я замираю. Дышу – и то через раз. Просто потому, что терпкий аромат его парфюма снова творит со мной что-то

невообразимо неправильное. И мне почти уже никуда не хочется. Только бы дышать им снова и снова, позволяя себе мысленно проваливаться в дьявольски уютную пустоту.

Разве так бывает?

Будто я не о его голову бутылку разбила, а о свою.

С ума схожу...

Надо срочно возвращаться в реальность!

– Да я решила, что ты конченный психопат и все равно меня изнасилуешь, а потом прикопаешь где-нибудь! – возмущаюсь уже вслух.

– М-м-м... – протягивает ответно Смоленский, немного отстраняется. – Так вот почему... – не договаривает, только двумя пальцами прикасается к пластырю на своей голове. – И кстати, на будущее... – вновь склоняется надо мной, прижимаясь губами к моему виску. – Про «последний раз» ты совершенно точно погорячилась. Я всегда так трахаюсь, золотце.

Хорошо, он распрямляется не сразу. А то мои глаза округляются, подобно десятирублевым монетам.

– В любом случае теперь ты мне должна не только за разбитый Aston Martin, – дополняет Тимур.

– А иначе?..

В хвойном взоре вспыхивает то самое непонятное предвкушение, которое я уже замечала этим вечером.

– Где твои братья?

– Эм-м... – теряюсь от внезапности смены темы разгово-

ра. – В гостях. До понедельника. А что?

Не отвечает. Зато наконец отстраняется. Впрочем, от его близкого присутствия это не особо спасает. Ничуть не интересуясь моим мнением, он ловит мою руку, а затем подталакивает прочь из уборной. Пока иду через весь зал обратно на террасу, идет следом.

– Контракт, – ничего не выражающим тоном произносит глава «Атласа», как только мы оказываемся рядом с моим отчимом и Пелагеей. – Все детали уже прописаны. Изменений не будет, – передвигает красную папку с одного края стола к другому, ближе к Фролову. – Требуется лишь подпись и заверение печатью. Жду их к утру, не позже десяти.

То есть все-таки будет мстить...

Долго. И со вкусом.

Неспроста ж на его физиономии снова блуждает эта довольная непонятно чем улыбочка, когда он усаживается на свое место, после чего вновь разглядывает меня будто под микроскопом.

– Ты ведь на экономическом учишься, верно? – слегка прищуривается Смоленский.

Я тоже прищуриваюсь. И вкладываю во встречный взгляд: «Тебе-то какое дело, мудак ты этакий?!» Особенно если учесть, что мужчина и без всяческих уточнений прекрасно знает не только мою специальность, но и номер курса – видел же студенческий. Явно ведет к чему-то конкретному, не просто так интересуется.

– Верно, – отзывается за меня отчим. – Настена второй курс заканчивает. Скоро у нее практика начнется.

Собирался взять ее себе под крыло. Но она против. Считает, что лучше добиваться всего самой, и самостоятельность пойдет ей на пользу.

На пользу мне пойдет отсутствие регулярного общения с самим отчимом, а то он и на работе частенько напивается до чертиков, а потом все его работнички жмутся по углам – совершенно не хочется стать одной из них. Но об этом я, конечно же, молчу.

– Я бы на твоём месте тоже в отцовскую контору не пошел. Трудно с родственниками работать, – поддерживает на свой лад Тимур. – Может быть, пойдешь ко мне?

Да я лучше удавлюсь! Прямо здесь и сейчас!

Или к отчиму работать пойду.

Жаль, не успеваю все эти предпочтения выразить вслух.

– А что? – широко улыбается Фролов. – Очень хорошая идея!

Тоскливо вздыхаю, мысленно запихивая эту «хорошую идею» ему в... пусть будет – обратно в голову.

– Позвоню своему юристу, пусть заберет документы, чтобы к утру все успеть подписать, – не замечает моих мысленных стенаний отчим.

Он хватается за папку и собирается подняться на ноги.

– К чему такая спешка? – не позволяет ему завершить начатое Пелагея. – Вечер еще только-только начинается, – мяг-

ко перехватывает его руку и «ненавязчиво» возвращает папку с контрактом обратно на стол.

Должно быть, она его опоила недостаточно, раз он не ведется сразу. Сперва хмурится, потом призадумывается, со скепсисом скосившись на экран своего телефона, который успевает достать из кармана пиджака.

– К тому же вы мне еще обещали «Лунную сонату», – тоmono улыбается обольстительница, невинно хлопая ресничками.

При этом строит настолько щенячье-просительное выражение лица, что у отчима не остается никакого выбора, кроме как согласиться.

– Хорошо. Обещания нужно сдерживать, – сдается ей на милость Фролов. – Сперва соната, потом дела.

На самом деле я всегда поражалась этому его качеству. Нет, не вестись на первую попавшуюся юбку. Будучи конечным муذاком по отношению к женскому полу, заядлым пьяницей и все в этом роде, он обладает даром настолько фее-рично подчинять клавиши фортепиано, что не заслушаться просто невозможно.

Неудивительно, что в скором времени, как только парочка перемещается с террасы в основной зал, который, помимо всего прочего, украшает шикарный черный рояль, даже гул посетителей становится тише. Звуки льющейся мелодии мягко обволакивают не только мое сознание. И это, кстати, очень даже зря. Расслабляюсь я, в смысле. Едва ли проходит

две минуты, соната еще не приближается к середине исполнения, а Смоленский поднимается со стула. И меня тоже на ноги поднимает. Затем и вовсе... меня саму подхватывает! Да с такой легкостью, словно я вешу не свои сорок семь килограммов, а как та тоненькая красная папка.

– Ты что делаешь? – вскрикиваю от неожиданности, повиснув на мужском плече.

– Догадайся, – в полнейшем безразличии отзывается Тимур, усиливая хватку.

И да, направляется прочь с террасы. Но не через зал. Оказывается, покинуть это место возможно с помощью отдельной лестницы, ведущей на другую сторону здания, где располагается ресторан. А я, сколько ни возмущаюсь, ни колочу по его спине, пинаюсь, извиваясь в отчаянных попытках освободиться, так и не добиваюсь ничего толкового. Смоленского мои жалкие попытки сопротивления абсолютно не волнуют. Будто и не замечает их, продолжая невозмутимо шагать в задуманном направлении. Его не задевает и тот факт, что я не успеваю даже столовые приборы на столе оставить, так и сжимаю в руке позолоченные вилку и нож. Разве что зарабатываю шлепок по своему многострадальному заду. Ровно в тот момент, когда начинаю задумываться о том, чтобы если не нож, так хотя бы вилку в него воткнуть.

– Не усложняй, – ровным тоном сообщает Тимур. – Все равно не отпущу.

Вот тут я притихаю. Но совсем не потому, что на меня

действуют его слова. Брюнет начинает спускаться по ступенькам. Не хочется навернуться и расшибить себе голову или сломать шею из-за собственной дурости. Сперва я терпеливо дожидаюсь, пока под ногами Смоленского оказывается ровная горизонтальная поверхность. На этой самой асфальтированной поверхности, к слову, уже стоит припаркованный по диагонали McLaren кофейного цвета. Не трудно догадаться – чей именно.

– Да ты, оказывается, ценитель, – язвлю, прикидывая примерную стоимость очередного шедевра автопрома во владении хозяина «Атласа».

– Иногда, – на свой лад соглашается со мной мужчина. Помимо машины, неподалеку обнаруживаются двое высоких мужчин в строгих костюмах. Судя по одежде – охрана ресторана. Чуть подальше от них – садовник, который наше появление вовсе не замечает. Пританцовывает с наушниками в ушах, занимаясь местной растительностью под одним из фонарей, так что действительно не слышит. В отличие от охранников. Но на их счет я тоже не обольщаюсь. Те дружно отворачиваются, старательно разглядывая кованый забор вдалеке.

Новую попытку к сопротивлению предпринимать нет никакой необходимости. Тимур ставит меня на ноги. Потом и вовсе на полшага назад отступает, любясь... неясно чем. То есть понятное дело – не ровно подстриженными кустами, растущими вдоль фасада здания и периметра довольно кру-

той лестницы. Мною. Только неясно, чего он там до сих пор не разглядел.

– Если решил, что удастся повторить ночной междуусобчик, то уверяю... – начинаю, но не договариваю.

– Не зарекайся, – перебивает Смоленский.

У меня аж рот заново приоткрывается. И от такой наглости, и от возмущения. Слишком уж четко проскальзывает в его словах непоколебимая уверенность, будто иначе быть не может.

Закипаю в считанные мгновения! Однако, вопреки эмоциям, отзываюсь вполне себе дружелюбно:

– Ладно. Как скажешь.

И даже заставляю себя улыбнуться. С теплом. Ласково. Почти нежно. В меня будто какой-нибудь дьяволенок вселяется – все мои видимые эмоции обманчивы. Мужчина тоже улыбается в ответ, но с хитринкой, переключив внимание от моей персоны к столовым приборам, которые я все еще сжимаю до побеления пальцев.

Он вопросительно выгибает бровь, явно, как и я совсем недавно, начиная задумываться о том, что я могла бы пустить их в ход. Но я поступаю иначе. Вручаю нож и вилку ему. С самым торжественным выражением лица, на которое только способна. А потом, пока он пытается сообразить, что тут происходит, делаю большой шаг в сторону. К садовым инструментам. В конце концов, столовый нож – он же не острый, да и вилка – довольно слабое орудие... Садовые ножни-

цы куда острее и прочнее. Одного замаха хватает, чтоб они вонзились в переднюю шину по самую рукоять.

– Попробуй увезти меня куда-нибудь теперь, – все с той же милой и ласковой улыбочкой проговариваю я вслух.

И пока Тимур ошарашенно смотрит то на меня, то на ножницы в колесе McLaren, то на столовые приборы в своих руках – я, подобрав подол платья и скинув ненавистные туфли, со всех ног мчусь обратно к лестнице... Мне бы хотя бы до отчима добраться!

Жаль, выигранной форы не хватает даже до середины первого пролета. Ночную тишину оглашает мой пронзительный вскрик, когда Смоленский догоняет и ловит, утаскивая обратно.

– Итак... – протягивает он зловеще, довольно грубо усадив меня на капот собственного автомобиля.

Не отпускает. Его хватка на моей талии крепкая – почти болезненная. Но не это будоражит мой рассудок. Теперь, когда адреналин от собственной выходки утихает, а я несколько раз переосмысливаю содеянное... расплата будет жестокой.

– Рано или поздно отчим меня все равно хватится!

– Рано – точно нет. Поздно – возможно. Но мне отпущенного времени хватит с лихвой, так что не вижу в этом никакой проблемы.

С учетом того, в чьем обществе покидает меня мой недо-родственник, к своему прискорбию, должна признать, что

дела вполне так и могут обстоять. При мысли об этом в горле словно ком застревает, поэтому гулко сглатываю. В голове даже мелькает грешный порыв попросить прощения у мужчины. И за первую его испорченную машину, и за вторую, и даже за разбитую о его дурную голову бутылку. А также пообещать компенсацию. Денежную, разумеется. Без разницы, в каком эквиваленте. Лишь бы только отвязался. Может быть, даже слезу пустить... Вдруг проникнется? Некоторые мужчины легко ведутся на эту нашу слабость. А те, что не ведутся, терпеть их не могут и готовы на многое, лишь бы больше их не наблюдать. Так что при любом раскладе я не особо проигрываю. Наверное.

Хорошо, ничего такого исполнить не успеваю!

– А теперь давай договоримся, золотце, – вновь заговаривает брюнет. – Ты перестаешь меня бояться, портить мое имущество, не покушаешься на состояние моего здоровья и моей вменяемости, больше не сбегашь от меня. А я, в свою очередь, обещаю не прикасаться к тебе ровно до тех пор, пока ты сама не захочешь обратного.

Если бы это было анатомически реально, моя челюсть отвалилась бы до самых колен от удивления.

– Совсем-совсем не прикасаешься? – уточняю недоверчиво.

С чего бы мне ему верить?!

Тем более, как только я задаю вопрос, мужчина склоняется непозволительно близко, а я вновь чувствую аромат его

сногшибательного-и-мозгоувольнительного парфюма.

– Совсем-совсем не прикасаюсь, – подозрительно мягко улыбается брюнет. – Пока ты сама не захочешь обратного, – напоминает об условии воплощения сделки.

Надо признать, звучит довольно заманчиво. И разом решает некоторые проблемы. Даже не столько те, что я успеваю себе создать за последние сутки. Раз уж мой отчим теперь будет плотно сотрудничать с «Атласом», вполне возможно, что и сегодняшняя наша встреча со Смоленским – не последняя.

– И с какой стати мне тебе верить?

– Я всегда держу данное слово.

Медлю еще секунду, обдумывая...

В конце концов, если со мной случится что-нибудь совсем уж плохое, полно свидетелей того, в чьей компании я была накануне.

Если что, уголовный розыск разберется, в общем!

– Хорошо. Договорились, – подвожу итог собственным сомнениям и домыслам.

Во взоре цвета хвои вспыхивает триумф. Словно он не девушку только что уговорил, а целое сражение выиграл.

– Договорились, – кивает напоказ серьезно Тимур.

Отстраняется и жестом приглашает следовать к передней дверце с пассажирской стороны. А прежде чем я усаживаюсь в салон машины, ненадолго останавливается около проколотой мной шины и склоняется, вытащив ножницы. Их же вручает мне. Потом – ранее брошенные мною туфли. Ничего

не говорит. Но взгляд цвета хвои весьма красноречив. Как и колесо, которое совсем не спущено, несмотря на боковой прокол.

Обидно, однако!

– Как видишь, это не такая уж и проблема, – будто читает мои мысли Смоленский.

Больше не медлит. Усаживается за руль и трогает автомобиль с места, выводя транспорт с территории ресторана на дорогу.

– Куда мы едем? – интересуюсь запоздало.

Не отвечает. А мне ничего особо не остается, кроме как вспоминать о том, что ресурса противоспусковых шин для возможности передвижения хватает максимум на сто пятьдесят километров. То есть вариантов может быть очень, очень много...

Глава 5

Вот уже минут десять, как я наблюдаю за панорамой ночного города. McLaren покидает район центра, а мне так и не удастся определить, куда же именно мы едем. Повторно расспрашивать Смоленского на эту тему не вижу смысла. Раз уж сразу не сказал, вряд ли сознается. Но пробую зайти с другой стороны.

– Зачем тебе это все? – разворачиваюсь к нему.

Мужчина лишь приподнимает бровь в ожидании продолжения. Как и прежде, сосредоточен на дороге.

– Зачем тебе возиться со мной? Ладно, я выехала на встречу, виновна в аварии, испортила твою машину, потом и вовсе тебе по голове заехала, после чего сбежала, но... Мог бы просто предъявить моему отчиму, он бы тебе все возместил. Возможно, даже выбил бы из меня прилюдное раскаяние и все такое.

При моих последних словах Тимур заметно мрачнеет. Честно говоря, его реакция мне не совсем понятна, однако выяснить подробности никакой возможности он мне не оставляет.

– Почему ты выехала на встречу? – интересуется хмуро.

– Я сделала это ненамеренно, – тоже хмурюсь.

Слишком уж тон у него требовательный.

– Что, заливала какой-нибудь пост в инстаграм, красила

губы, писала сообщение и не заметила, как сменила полосу?

– Нет, – возмущаюсь в ответ. – Вообще-то шел дождь!

– То есть исключительно из-за погодных условий? – скептически хмыкает Смоленский.

– И из-за вермута, – признаюсь зачем-то.

– М-м... еще и пьяная за рулем, – «понятливо» кивает мужчина.

– Ты тоже пил сегодня, – бросаю встречно.

– Но я не пьян. И у меня нет проблемы с ориентированием, все под контролем, – противопоставляет брюнет.

При упоминании о том, что у него «все под контролем», невольно морщусь.

– Обычно я так не делаю, – вздыхаю, отворачиваясь обратно к боковому окну со своей стороны.

Почему-то становится стыдно.

И было бы еще перед кем!

– И что же такого необычного тогда произошло вчерашней ночью, что ты изменила своим привычкам? – продолжает допрос мужчина.

Кусаю губы, продолжая упрямо смотреть в окно. И молчу.

– Нужно было срочно застукать своего парня с любовницей, принять чьи-нибудь роды, перевезти контрабанду героина через границу, кто-то умер, у подружки закончились тампоны? – протягивает собеседник, делая собственные выводы.

Такие же неадекватные, как и он сам, похоже...

– Нет у меня никакого парня, героин я не вожу и роды не принимаю, а тампоны можно и онлайн заказать! – резко оборачиваюсь к нему в полнейшем негодовании.

Только потом понимаю, что он не просто издевается. Еще и забавляется. Вон как довольно улыбается. Впрочем, на меня все еще не смотрит, лишь прямо перед собой.

– Ну, если самые очевидные варианты отпадают, – вздыхает он напоказ удрученно. – В чем тогда твоя проблема?

Вот же...

Приставучий!

– С отчимом поссорилась. Психанула, – бурчу, повторно отворачиваясь.

Ну его! Впрочем...

– Где плакал? – вспоминаю о машине.

Сегодняшним днем на автомобиль уже разослали ориентировки благодаря старшему брату школьной подружки. Но пока никакого результата это не принесло. К тому же статистика по удачному поиску машин довольно печальна в нашей стране. Да и хотелось бы найти машину не только побыстрее, но и наверняка. Пока отчим не просек. Не то меня ждут громадные проблемы. Тот же Смоленский – покажется лишь легким недоразумением. И, кстати, о нем...

– У меня, – сообщает он с самым беззаботным видом. Честно?

Ни разу не удивлена!

– Что, за его возвращение я тебе тоже что-то должна? –

вздыхаю понуро.

Ответ ведь и сама знаю. То и подтверждается в следующую секунду.

– Не то чтобы должна, но... верну, как придет время. И если посчитаю, что оно того стоит, – оправдывает все мои ожидания Тимур.

Гад, в общем!

Самый настоящий.

– Это называется хищением. И пахнет шантажом, – проговариваю уже вслух, не скрывая мрачности.

– Ага, – не отрицает бессовестный. – А то, что сделала ты, – порчей чужого имущества и попыткой убийства. Но я же не жалуюсь, – отзывается флегматично брюнет.

И как с ним после этого разговаривать?

А никак...

Вот и не разговариваю.

Умолкаю вплоть до момента, пока McLaren не сворачивает в один из узеньких, скудно освещенных переулков. В конце дороги – тупик. И проржавелый забор из металлического профлиста. На воротах нет замка, только цепью перемотано, так что, когда Тимур выходит из машины и открывает их, они расходятся в стороны с жутким скрежетом. Двор невысокого двухэтажного здания тоже не освещен. Но в свете фар удастся различить две здоровенные кучи песка и повсюду валяющуюся битую плитку. Ни единой души вокруг.

Автомобиль так и остается у ворот, на территорию сомни-

тельного предназначения не въезжает. Сам Смоленский возвращается обратно к машине и «галантно» открывает мне дверь, жестом приглашая выйти наружу. Не отказываюсь.

– Слушай, а у тебя хоть раз девушка была? – срывается с моих уст в полнейшем сомнении, пока я оглядываюсь.

Зарабатываю довольно красноречивый взгляд.

– Я имею в виду отношения, – поясняю поспешно. – Настоящие. Ну, знаешь, там, цветочки, конфетки, прогулки за ручку, пожелания спокойной ночи, кофе по утрам в постель и совместные пикники на выходных...

Мужчина слегка прищуривается, призадумавшись. И явно о чем-то своем.

– Нет, а что? – выдает в итоге.

Что-что...

– Оно и заметно. Романтика – точно не твое, – усмехаюсь, прежде чем направиться вперед.

И самой интересно становится, что это за глушь, в которую он меня снова привез... Свет вспыхнувших прожекторов – слишком неожиданный и яркий, ослепляет. Я зажмуриваюсь, прежде чем оглядеться вновь. Нет, снаружи все выглядит точно так, как определяю поначалу. А вот внутри, как только передо мной открывается дверь из пластика и стекла... Огромное единое пространство похоже на какой-нибудь старый цех. Несущие опоры из бетонных столбов определенно нуждаются в ремонте, хотя цементная стяжка под ногами явно довольно свежая. Почти идеально ровная даже.

Противоположная от входа стена завешана матовой пленкой, поэтому едва ли удастся в достаточной степени различить, что за ней находится. Но, кажется, окна. Витражные, высокие, от пола, почти до самого потолка.

– И что мы здесь делаем? – возвращаю внимание к своему сопровождающему. – Учти, в ремесле штукатура я не сильна, – предупреждаю с очередной усмешкой.

Смоленский на мою реплику понимающе улыбается.

– Я тоже ни черта не смыслю в штукатурке, так что пусть лучше этим займутся профессионалы.

Больше ничего не говорит, жестом приглашает следовать за ним. Я успеваю насчитать чуть больше трех сотен шагов в длину помещения, прежде чем Тимур открывает передо мной очередную дверь, тоже из пластика.

– Ого, – срывается с уст само собой, едва в новом помещении зажигается освещение.

Со всех сторон – не иначе как царство стали и гранита. Поделенное на несколько условных зон, со множеством как вполне обыденной, так и не совсем понятной мне техники, это... профессиональная кухня. Как в каком-нибудь элитном ресторане.

– Что это? – заинтересовываюсь первым «приглянувшимся» неизвестным.

– Пароконвектомат. Вполне заменяет плиту, фритюрницу, жарочную поверхность, духовой шкаф и аппарат для расстойки. В случае необходимости, – отвечает Смоленский,

проходя дальше, к здоровенной холодильной камере.

– А это? – тыкаю в другой аппарат из металла.

– Мармит. Сохраняет заданную температуру пищи, – отзывается брюнет, попутно вытаскивая какие-то пластиковые контейнеры, оставляя их на разделочном столе. – А это ледогенератор. Обладает функцией замораживания льда: отдельными глыбами, кубиками, гранулами, шариками, цилиндрами и даже лепестками, – дополняет, стоит мне перевести взгляд на другое.

– Хм... А что, в твоём Darwin всего это нет? – хмыкаю следом. – Обязательно надо было половину города проехать? – демонстративно выгибаю бровь.

– Есть. Но на той кухне уже есть шеф-повар.

– А на этой?

– А на этой я, – делает паузу и закрывает холодильник, – приготовлю тебе ужин.

Что сказать...

Этот мужчина определенно умеет удивлять!

– Ты? Мне? Ужин? – не верю собственным ушам.

– Почему нет? – прищуривается Смоленский. – Вдруг ты станешь добрее? – ухмыляется в довершение.

И вот вроде бы – очередная наглость с его стороны. Но все равно улыбаюсь в ответ, сколь бы нахально ни звучало его заявление.

– Может быть, – не вижу смысла отрицать, усаживаясь на один из находящихся поблизости высоких табуретов.

Да для меня в жизни никто и никогда не готовил! Как минимум – занятно на это посмотреть.

– И что ты будешь готовить? – спрашиваю, придирчиво оценивая содержимое герметично упакованных коробочек.

В основном там овощи: разные, каждый вид в отдельном контейнере. Но в одном есть мясо в виде крупных кусочков филе.

– Что-нибудь попроще, на скорую руку, – пожимает плечами Тимур.

Один за другим он вскрывает контейнеры, вытаскивая наружу их содержимое, а затем тянется к ножам, прикрепленным на специальную магнитную панель, встроенную в стену, после чего достает оставшуюся необходимую утварь.

Как оказывается немного позже, «что-нибудь попроще» в понимании владельца «Атласа» – паста с индейкой в сливочной паприкане в качестве основного блюда. Узнав об этом, я с самым благоразумным видом никак не комментирую озвученный выбор, про себя отметив, что тот же «Доширак» – это реально попроще. А тут...

– Смотришь на меня так, будто я не индейку, а тебя собрался приготовить и съесть, – ухмыляется брюнет, ополаскивая под проточной водой морковь и лук.

Честно говоря, я бы ни разу не удивилась, если бы все вышло именно так! Но то про себя. А вот вслух:

– Просто ты меня удивил. – Сознаюсь неохотно, наблюдая за быстрыми выверенными движениями ножа в мужской ру-

ке.

– И чем же я тебя удивил? – протягивает с насмешкой брюнет. – Было бы странно, если бы хозяин сети довольно крупных ресторанов был знаком с кухней только в теории.

Вполне логично. Но уровень моего шока все еще не убавляется. Особенно когда я понимаю, что за несколько ничего особо не значащих реплик овощи оказываются идеально ровно пошинкованы, а затем брошены на раскаленную сковороду. Минуты через две к ним же отправляется индейка. Вместе с тем начинает закипать вода в отдельной кастрюльке.

– И часто ты это делаешь? – срывается с уст само собой, пока я наблюдаю за тем, как в кипящую воду, наряду с солью, добавляется спагетти.

– Готовлю? – уточняет Смоленский.

– И это тоже, – хмыкаю ответно.

– Не каждый день, но бывает...

– На рассвете или посреди ночи, в компании кого-нибудь, кого предварительно затащил в несуетную глушь, – вношу немаловажное дополнение.

И если о первом упомянутом мною пункте мужчина невозмутимо молчит, то про оставшееся:

– Не такая уж это и глушь, вообще-то. Там, – взмахом указывает направление по левый бок от себя, – довольно оживленная улица. Просто мы с тобой заехали с другой стороны. Территорию еще обустривают. Через месяца два здесь бу-

дет вполне прилично и в чем-то похоже на Darwin. Со всех сторон, – берется за зелень, которую, как и чеснок, он мелко рубит.

– А-а... А то я уж было решила, что ты просто маньяк и тебе нравится обитать там, где удобно расчленять и закапывать трупы, – бросаю встречно с «разочарованием». – Иначе зачем тебе такая шикарная, обустроенная кухня посреди стройки, если это не отвлекающий маневр?

Уголки его губ дергаются в подобии улыбки.

– На протяжении последней недели тут проходит отбор для новых поваров, поэтому и кухня обустроена, и продукты есть, – в очередной раз пожимает плечами Тимур.

После зелени и чеснока он режет другие овощи: редис, томаты, свежие огурцы и сельдерей. Смешивает все это между собой, скидывает в высокую стеклянную миску, а после сдабривает какой-то заправкой из стеклянной бутылочки. Как только салат готов, мой персональный шеф-повар возвращает внимание к индейке, сперва добавив к ней перец и паприку, а затем вливает сливки, в которых мясо тушится еще примерно минутки две. Спагетти тоже уже готово. Остается совсем немного, и ароматная паста выложена на две черные плоские тарелки и посыпана сверху пармезаном. В общей сложности готовка занимает меньше двадцати минут. Если прибавить к этому времени проделанный нами путь по городу, а также мою беготню по лестнице, то – примерно час. Однако мой телефон до сих пор молчит. Я даже проверяю,

не разрядился ли случайно. Но нет. С ним все в порядке. Просто отчим...

– Он занят. И будет занят еще часа два точно, – словно читает мои мысли Смоленский, ставя рядом с тарелками для нас два бокала.

Пока пустых. Но один из них вскоре наполнен вином. Мой бокал притом. А вот сам мужчина предпочитает воду. Самую обычную, негазированную.

– Так уверен в этом? – ехидничаю в ответ. – В этой своей Пелагее? – прищуриваюсь, смерив его оценивающим взором.

И да, нагло меняю бокалы местами.

Пусть сам свое вино пьет.

А я... И так неадекватная все чаще и чаще.

– Она не моя, – звучит безразличным тоном. – Я с ней знаком минут на пять дольше, чем ты. Но она из эскорт-агентства. Мужской досуг – это ее хлеб. Так что с твоим отчимом точно справится.

Почему-то становится неприятно. Будто горсть пепла проглатываю, который остается в желудке тяжелым осадком, а не глоток воды делаю.

– То есть ты все заранее продумал и спланировал? – задаю вопрос.

Но звучит скорее утверждением.

– Многое. Не все, – поправляет меня собеседник, а через небольшую паузу дополняет снисходительно: – Напри-

мер, садовые ножницы в колесе своей машины я не учел.

– Можно подумать, это тебе как-то помешало, – ехидничаю встречно.

Неприятное ощущение до сих пор не покидает. Хотя проблема не только в сказанном мужчиной. Обезболивающее самым прискорбным образом снова перестает действовать, и давящий ком в моем желудке плавно сползает к низу живота, становясь отчетливо болезненным, внутренности вновь стягивает в узлы. Моя сумка лежит чуть поодаль, поэтому невольно морщусь и поднимаюсь с места, собираясь достать себе новую дозу того, что могло бы облегчить существование. И только после того, как останавливаюсь около своего клатча, вспоминаю, что никаких таблеток там нет. Я же их рассыпала, находясь в уборной Darwin, они давно в городской канализации.

Гадство!

И еще большее – когда я осознаю, что Смоленский тоже не остается на месте. Не просто поднимается следом. Остнавливается аккуратно за моей спиной. Нет, не прикасается. Но его близость настолько отчетлива, как если бы и впрямь дотронулся. Да и разве считанные миллиметры между нами могут сойти за достаточное расстояние? Они не скрывают аромат его парфюма, что планомерно обволакивает мой разум тончайшей вуалью дурмана, не прячут от ощущения его дыхания на моих волосах, от которого сердце начинает биться все чаще и чаще, не помогают скрыть пронзивший

меня озноб, стоит развернуться и в очередной раз пропасть во взоре цвета хвои.

– Ты так и не сказал, зачем тебе это все, со мной, – произношу едва ли достаточно громко, вжимаясь поясницей в холодную, бездушную поверхность кухонного стола.

Стараюсь хотя бы чуточку увеличить дистанцию, наивно полагая, что если кислорода станет больше, то и мне полегчает. Но собственный жест совсем не помогает. Наоборот. Воспоминания играют со мной злую шутку. Сознание заполняют отголоски прошлого. Когда он и я... Почти вот так же... Он – прижимает. Я – тщетно пытаюсь не поддаваться. А потом пройдет всего ничего, Тимур пленит мои губы и заберет мой воздух, подхватит за бедра, приподнимет, усадит выше, вклинится между моими ногами, заставит увязнуть в совершенно новой реальности, где уже ничто не имеет значения, кроме горького привкуса самого сладкого наваждения из всех испытанных... И если меня бросает в жар только об одной мысли о чем-то подобном, то что же будет, если он и впрямь захочет все повторить? Смогу ли я остановить его? Нас обоих.

Ведь это же все совершенно неправильно!

И...

– Обязательно должна быть какая-то веская причина? – произносит Смоленский, по-прежнему пристально глядя в мои глаза. – Может быть, сперва, сразу после аварии, она и была, не отрицаю. И я тебе о ней уже говорил. Но потом... –

умолкает, заносит руку, явно собираясь убрать выбившуюся из прически прядь с моего лица, но так и не дотрагивается, замирает ненадолго и продолжает совсем тихо: – Может быть, мне просто это очень надо? И я нуждаюсь. Побывать. Рядом. С тобой. Еще. Хотя бы раз. То ли в его словах совсем нет никакой логики, то ли у меня с рассудительностью полный побег... Не понимаю, что происходит. Он все еще не прикасается. Смотрит на меня так, будто ждет чего-то ответного. А у меня все внутри буквально вопит: «Да прикоснись ты уже!» Но то, конечно же, остается глубоко-глубоко в закромах моего разума. На деле же я просто-напросто улыбаюсь. Настолько язвительно, насколько хватает моей выдержки.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, – комментирую услышанное. – А я не настолько наивна.

Мне бы воды. Желательно, максимально холодной. А то очень жарко. Пить не обязательно. Несколько литров, со льдом, сверху на голову – вот что действительно помогло бы. Глядишь, тогда бы не столь напряженно чувствовалось... все.

– В таком случае просто ешь свой ужин, золотце, – спустя некоторое время отзывается Тимур. – И не провоцируй меня больше.

Да кто ж его провоцирует?!

Сам... Ненормальный!

– Я просто собиралась выпить еще одну таблетку, – ворчу уже вслух, вновь сосредоточившись на сумке.

Никакого волшебства, конечно же, не происходит. Обезболивающего внутри клатча как не было, так и не появляется.

Нет в этой жизни счастья, однозначно!

С мыслью о последнем грустно вздыхаю.

– Голова болит, – произношу, заметив мрачность на лице Смоленского. – Последние сутки выдались бессонными.

Явно ведь снова меня в наркоманских пристрастиях подзревать начал.

– Могу предложить аспирин, ничего другого в здешней аптечке нет. Но вряд ли он тебе поможет, учитывая, что ты пила до этого, – отзывается брюнет. – Впрочем, уровень окситоцина в твоём организме можно поднять и другим способом, – задумывается о чём-то своём.

О чём именно он там размышляет, поинтересоваться не успеваю. Мужчина придвигает одну из тарелок ближе к нам, после чего подцепляет порцию пасты на вилку и нагло запикивает мне в рот. А на мой возмущённый взгляд снисходительно поясняет:

– Если так и будешь болтать, мы и до утра отсюда не выйдем.

В чём-то он прав. Но я не поэтому молчу. Жую я до сих пор. И даже не особо упираюсь, когда окончательно обнаглевший Смоленский продолжает кормить меня дальше, не забывая и о себе. Ведь начать сопротивляться – значит добровольно прикоснуться к нему. А у нас же вроде как догово-

ренность о дистанции. Хотя, скорее всего, это я собственную совесть таким образом успокаиваю. Тем более что...

– Я и сама в состоянии поесть.

– Ешь, кто тебе мешает?

В общем, настоятельно успокаиваю свою совесть дальше. Снова жую. И очень стараюсь не думать, как все это выглядит со стороны. А также о том, насколько сильными и одновременно с тем нежными могут быть эти руки, что кормят меня, насколько умело они могут дарить ласку или же боль.

Ужин превращается в настоящую пытку!

Неудивительно, что я стараюсь съесть все как можно скорее. И вполне искренне радуюсь тому моменту, когда тарелки наконец пустеют.

– Ну а теперь, когда ужин окончен, мы можем уже вернуться? – не сдерживаю вздоха облегчения, как только Смоленский чуть отодвигается.

Пользуясь подвернувшейся возможностью, подхватываю тарелки и несу их к посудомойке. Она выглядит совсем иначе, нежели я привыкла, поэтому не сразу удастся разобраться с принципом ее работы. Однако в целом ничего сложного нет. Вот только даже по истечении пары минут, которые я трачу на возню с профессиональным агрегатом, Тимур не считает нужным подтверждать мой вопрос, граничащий с надеждой. Наоборот.

– Ужин не окончен. Ты забыла про десерт, – шепчет он мне на ухо, в который раз за этот вечер оказываясь за моей

спиной.

Но и это еще не все!

Я и с ответом не успеваю найтись, а на мои глаза ложится плотная, по ощущениям шелковая, повязка. Возможно, его галстук.

Закономерно вздрагиваю. И тут же замираю, когда слышу тихое с вкрадчивыми нотами:

– Не паникуй, золотце. Наш договор все еще в силе. Я помню о нем. И я не сделаю ничего из того, чего бы не захотела ты сама.

Глава 6

На моем затылке затягивается узел. Плотно. Лишая света. Зрения. До предела раскаляя ощущение собственной уязвимости. Рядом с этим мужчиной я снова чувствую себя абсолютно беззащитной, фактически голой. Наличие одежды здесь совершенно ни при чем. Никто и никогда не распоряжался мною с такой непоколебимой уверенностью, будто знал меня намного лучше меня самой. Всю меня. Эмоции. Страхи. Желания. Умело манипулируя. С легкостью превращая одно в другое. Так, как нужно ему самому. И этот его взгляд... Даже сейчас, пребывая в крошечной темноте, все равно чувствую, как он смотрит. Жадно. Голодно. Будто в самом деле собирается съесть. Подавляюще. И вместе с тем... настолько будоражающе, что голова идет кругом, а по венам разливается тепло только от одной мысли об этом.

– Если хочешь, возьму тебя за руку, чтобы ты не споткнулась, пока мы идем, – заговаривает вновь Смоленский.

Попросить – равнозначно сдаться. А грань накрывающего меня безумия еще не достигла того предела, где я могла бы признать собственную слабость. Вот и отказываюсь, отрицательно покачав головой, попутно поражаясь собственной храбрости. Я ж точно голову себе расшибу или шею сломаю, если запнусь хотя бы раз на этих здоровенных каблуках.

Хорошо, о последнем задумываюсь не я одна.

Не улавливаю его перемещение. Аромат терпкого парфюма до сих пор пропитывает мои легкие, словно мужчина все еще находится в непосредственной близости. Но...

– Правую ножку приподними, – звучит не иначе как приказом.

Наверное, я чересчур заинтригована. А быть может, мне начинает нравиться эта странная игра, где каждое последующее мгновение – полнейшая неизвестность. Потому что я подчиняюсь. И не особо скрываю заигравшей на губах улыбки, когда понимаю, что с меня предусмотрительно стянули туфлю.

– Теперь левую, золотце.

Избавиться от второй туфли самостоятельно в принципе не такая уж и проблема. Я же уже в рекордные сроки скидывала обе, когда возникала такая необходимость. Но я не делаю этого. Терпеливо жду, пока сам Смоленский не освободит меня от нее. Нет, ко мне он все еще не прикасается. Только к обуви.

– А теперь аккуратно разворачиваешься по часовой на девяносто градусов и идешь вперед, пока не остановлю.

Разворачиваюсь. И иду. Ровно до того момента, пока мне не велят остановиться. Насколько я помню, где-то здесь, передо мной должна быть дверь. Не та, через которую мы вошли. Другая. Я не знаю, что за ней находится. И я не ошибаюсь. Слышу, как щелкает замок, едва уловимо скрипят петли, после чего я переступаю порог и двигаюсь дальше. Плит-

ка под ногами на кухне – холодная. А вот в другом помещении пол заметно теплее. Уже не бездушный гранит – сдобренный лаком паркет. Определяю это с легкостью, потому что кажется, будто иду босиком по собственной комнате, а не неизвестно где. Впрочем, ощущение недолговечно. Еще одна остановка. Поворот. Очередная дверь, порог которой мне необходимо переступить. И снова паркет. Но не такой. Этот – особенно теплый.

– Пришли, – сообщает Тимур. – Слева – кресло. Сядь в него.

И в этот раз не возражаю. Само кресло оказывается мягким, тоже теплым, хотя и кожаным, с удобным изголовьем. Более того, срабатывает какой-то механизм, меня откидывает назад. Мое вертикальное положение становится относительно горизонтальным. А сердце начинает биться все чаще и чаще.

Господи, что же он задумал?!

Как выясняется вскоре, это намного безумнее даже того, что я успеваю себе представить. А представить себе, между прочим, я успеваю многое. Но только не...

– Сними белье.

Далеко не просьба. Очередной приказ с его стороны. Вот только на этот раз я не спешу подчиняться. Более того, внутри все закипает от негодования, а я тянусь к повязке. Жаль, это не особо помогает. Смоленский перехватывает мое запястье еще до того момента, как я успеваю прикоснуться к

галстуку на своих глазах. Сжимает слегка. Но все же сжимает!

– Забыла? Ты перестаешь меня бояться, не сбегаешь и не провоцируешь меня. И только в этом случае я держу свое слово и не прикасаюсь к тебе.

Мое негодование рассыпается в прах. В нем же хочется прикопать этого... который излишне умный и изворотливый.

– Какая удобная формулировка, – язвлю в расстройстве.

Учитывая обстоятельства и если еще немного подумать, Смоленский так и рабыню из меня сделает! Буду выполнять все что угодно, лишь бы избежать его прикосновений. Хотя, уже не уверена в том, что эти самые прикосновения – худшее из всего, что может быть.

С другой стороны, с чего это он взял, что я его боюсь?!

А вот ни капли!

Наверное.

По крайней мере, даже если и так, выдавать свою беззащитность перед ним не собираюсь. Обойдется.

– Да пожалуйста, – отдергиваю свою руку, избавляясь от чужого прикосновения, и стягиваю с себя белье, бросив то... куда-то.

Думает, мне страшно?

Как бы не так!

– Что теперь? – бросаю уже с вызовом.

– Согни ноги в коленях. Разведи их пошире. Хочу видеть

тебя.

Если для того, чтобы снять с себя кружевные шорты, много смелости не надо, особенно в порыве эмоций, то вот эта часть дается сложнее. Я шумно сглатываю, пытаюсь представить себе, как же это все будет выглядеть со стороны. Не столько саму себя, сколько мужчину, пока он наблюдает за тем, как подол моего платья задирается выше, оголяя бедра, которые я медленно развожу в стороны, сгибая колени. Воцарившаяся следом тишина так и вовсе нервирует. А я все больше и мучительнее теряюсь в догадках, размышляя о его реакции на содеянное мною. Впрочем, это становится не особо важным в тот момент, когда я чувствую его дыхание... между моими ногами.

– Ты очень красивая, знаешь? – шепчет Смоленский.

Вроде бы вопрос. Но слышится скорее утверждением.

Тихий вкрадчивый тон вызывает дрожь по коже. И непроизвольное желание прикрыться, свести уже наконец ноги вместе, спрятаться от него.

Понятное дело, это он сейчас не про мою прическу и макияж говорит!

А спрятаться от него, ожидаемо, не выходит.

– Нет, – отчеканивает властным тоном брюнет, едва мои колени дергаются друг другу навстречу. – Этого недостаточно, – дополняет уже мягче, как только я замираю. – Хочу увидеть больше. Тебя. То, как ты кончишь для меня снова.

Должно быть, я определенно погорячилась, когда решила,

что он просто псих или маньяк. Нет. Тут все гораздо хуже! Но данное высказывание оставляю при себе. Сердце колотится все быстрее и быстрее. И от непристойного распоряжения. И от осознания того, каким именно образом мне придется его выполнить, раз уж сам мужчина ко мне не прикасается. И... я правда сделаю это? Буду ласкать себя, пока он будет смотреть? Так близко. Бесстыдно. Упиваясь осознанием своего превосходства. Наслаждаясь моей капитуляцией.

А я...

Я тоже буду. И даже больше, чем сам Смоленский. Глупо утверждать, что мне все это противно, чуждо и мерзко. Сколь бы грязной и ненормальной я себя ни ощущала. Происходящее... возбуждает. И он, и я – прекрасно осведомлены об этом. Иначе между моими ногами не было бы сейчас настолько влажно. Мои пальцы слегка подрагивают, пока я веду по внутренней стороне бедер. По стопам проносится легкая покалывающая судорога. Совсем не боль. По венам разливается приятное тепло. И я уже не думаю о том, на какой адово-минусовой отметке по шкале вселенского грехопадения я застреваю. Потом я буду анализировать, сожалеть, стыдиться. Сейчас... я просто наслаждаюсь. Не только собственными прикосновениями. Чужим горячим дыханием на моей коже. Каждым хрипловатым выдохом мужчины. Один за другим – я слышу их, как свои собственные.

Хотел увидеть?

Пускай смотрит...

Ведь если отбросить все предрассудки, мне это тоже нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.